

УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
КИЕВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Соколов Василий

Мысль и догмат

Сканирование и создание электронного варианта:
Библиотека Киевской Духовной Академии
(www.lib.kdais.kiev.ua)

Киев
2012

A-44

Библиотека „РЕЛИГИЯ И ЖИЗНЬ“. Вып. 1.

7151

Вае. Соколовъ.

Мысль и догматъ.

Докладъ, читанный въ Спб. Религіозно-Философскомъ Обществѣ.

БИБЛИОТЕКА

РЕЛИГИЯ И
ЖИЗНЬ

Весь смыслъ, все значеніе христіанства не разрывно связаны съ идеей Богочеловѣчества. Въ этой идеѣ — рѣшеніе всѣхъ проблемъ, связанныхъ съ ученіемъ Христа и — добавимъ — съ подлинно религіозною жизнью. Въ этой идеѣ — одна подмѣна Евангелія и умираніе, отравленіе религіознаго духа. И то, что творится въ современной церковной и религіозной жизни, служитъ лишь иллюстраціей послѣдняго положенія. Въ частности, и вопросъ о христіанской мысли, о христіанскомъ познаніи связанъ съ указанною мною идеей. Съ одной стороны идетъ отрицаніе Откровенія, ученіе о полной оставленности человѣка Богомъ; съ другой — подавляется человѣческая мысль такъ называемымъ Откровеніемъ — „такъ

называемымъ“ говорю потому, что все религиозное учение цѣликомъ относится къ дару свыше, и человеческой мысли ничего не остается дѣлать около этого дара: она должна молча, благоговѣнно—и пассивно—воспринять откровение Бога и умереть, уступивъ свое мѣсто такъ называемой (опять въ неправильномъ пониманіи) вѣрѣ. Откровение, по этому возрѣнію, порабощаетъ себѣ мысль, не даетъ ей хода; оно устанавливаетъ догматы—неизмѣнныя, каменно неподвижныя формы, каменно вѣчныя истины, около и послѣ которыхъ разуму нечего дѣлать.

Эта проблема отношенія мысли и догмата особенно больно ощущается нашей эпохой, потому что вся культура новаго времени—съ XV—XVI в.—покоится на мысли, рационалистична. Мысль для насъ—самое близкое и дорогое проявление культуры, человеческого творчества; отказаться отъ мысли значитъ отказать отъ всего своего, поработить свободный духъ, заковать его въ цѣпи. И потому для того, кому дорого христіанство, не можетъ быть большей радости, чѣмъ радость отъ примиренія догмы и мысли. А это примиреніе возможно, говоря и á priori, если исхо-

дить изъ Богочеловѣчности христіанства. Попытку такого примиренія я и осмѣливаюсь поставить на судъ настоящаго собранія.

Божественная сторона религиознаго познанія представляется Откровеніемъ. Есть откровение интуитивное, непосредственное, которое ощущается субъектомъ, какъ внутреннее переживание, озареніе. Это—опытъ, но не мысль. О такомъ познаніи нельзя говорить, когда поставлена наша проблема: не логикой мы познаемъ краски, звуки, скуку, радость; не дѣло логики и непосредственныя религиозныя озаренія. Есть откровение объективное, данное не намъ, воспринимаемое нами посредственно—черезъ наученіе отъ другихъ. Это объективное откровение передается намъ *въ словъ*, какъ черезъ слово передается намъ всякое посредственное познаніе. Въ христіанствѣ мы имѣемъ откровение въ Евангеліи и апостольскихъ посланіяхъ—произведеніяхъ слова. Другого пути къ передачѣ объективнаго откровенія мы не имѣемъ. Отсюда слово получаетъ чрезвычайно важное значеніе въ вопросахъ объ откровеніи, и для насъ основной вопросъ теперь—*что такое слово?*

Мнѣ придется сдѣлать екскурсь въ область філологіи. Слово есть, прежде всего, рядъ звуковъ, имѣющихъ значеніе. Въ словѣ двѣ стороны — звукъ и мысль. Эти двѣ стороны связаны между собою только ассоціативно. Вспомните, какъ заучиваютъ дѣти слова: имъ показываютъ предметъ и одновременно произносятъ его названіе. Образъ и звукъ воспринимаются разомъ и связываются ассоціаціей смежности, ассоціаціей болѣе случайной, менѣе глубокой. Было когда то время, когда слову придавалось иное значеніе; звуки считались существенно связанными, соотвѣтственными качественно называемому явленію. Такъ, ученикъ Арія Евномій заявлялъ, что онъ знаетъ имя Божіе и потому „знаетъ Бога такъ же, какъ и Богъ знаетъ Самого Себя“. И съ точки зрѣнія православныхъ противниковъ Евномія, и съ точки зрѣнія современнаго языкознанія слово такого значенія не имѣетъ. Слово-звукъ условно связано съ извѣстными переживаніями. Когда мы слышимъ извнѣ слово, въ нашей душѣ возрождается переживаніе, съ нимъ связанное. Поэтому только при общности ассоціативныхъ связей возможно взаимное пониманіе. Объективное откровеніе передается

намъ чрезъ слова другихъ. Если въ переживаніяхъ слушающаго, воспринимающаго слова съ увѣренностью можно предполагать тождественныя воспоминанія о тождественныхъ до точности, такихъ же переживаніяхъ, то пониманіе будетъ полное. Но гдѣ гарантія этого тождества воспріятій и воспоминаній? Какъ нѣтъ двухъ тождественныхъ фізіономій, какъ нѣтъ совершенно тождественныхъ характеровъ, такъ нѣтъ тождества и въ нашихъ мысляхъ, воспріятіяхъ и воспоминаніяхъ. Данныя фізіологическаго организма, психической индивидуальности момента и т. д., и т. д., все это индивидуализируетъ наши воспріятія, своеобразно распредѣляетъ впечатлѣнія въ памяти и такимъ образомъ дѣлаетъ наши переживанія столь же различными, какъ различны фізіономіи, какъ различны характеры. Всѣмъ извѣстно, какое понятіе ассоціируется съ звуками „мама“. Но у каждого мысль эта конкретно воплощается въ своеобразныхъ образахъ и настроеніяхъ. Такъ и во всемъ. Это чрезвычайно важное для насъ наблюденіе формулировано языковѣдами Гумбольдомъ и Потемней въ такихъ словахъ: „всякое пониманіе есть вмѣстѣ съ

тѣмъ и непониманіе, и всякое согласіе въ мысляхъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и несогласіе“.

Вотъ первое нужное для насъ положеніе языкознанія.—При такомъ своеобразіи въ пониманіи словъ обычно наша рѣчь является источникомъ нескончаемыхъ недопониманій, разногласій и споровъ. Тамъ, гдѣ требуется точность въ пониманіи, оказывается необходимымъ прибѣгать къ сопоставленію нѣсколькихъ словъ, которыя, взаимно совпадая въ частяхъ своего значенія, мало-по-малу устанавливаютъ *общее* для нихъ. При эмпирическомъ внѣшнемъ матеріалѣ помогаетъ и непосредственное указаніе движеніемъ, жестомъ. При отвлеченномъ—схематизмъ, качественная безвѣтность понятій (относительно), общій характеръ послѣднихъ даютъ возможность большаго совпаденія; такъ создается научный, точный языкъ. Исторія установленія научныхъ терминовъ можетъ служить прекрасной иллюстраціей изложеннаго мною.

Итакъ, всякое слово—только значекъ, понимаемый далеко не однообразно всѣми. Въ области психической эта неопредѣленность слова сказывается еще ярче. „Въ Русскихъ ночахъ“ Одоевскаго съ удивительной рельеф-

ностью выражена мысль о блѣдности, безсиліи слова выразить душевныя переживанія. Среди множества жалобъ на слово, на нищету языка особенно рѣзко звучитъ приговоръ Тютчева:

„Мысль изреченная есть ложь!“

Даже мысль! А чувство, настроенность? А состоянія озаренія, одушевленія, экстаза? Нашъ языкъ можетъ передавать все это лишь однимъ способомъ—путемъ аналогій съ объективнымъ, внѣшнимъ міромъ. Вся психологія говоритъ такимъ символическимъ языкомъ; не надо искать корней, происхожденія словъ; довольно вспомнить о *высокихъ* и *низкихъ* поступкахъ, о *горячей* натурѣ, о *черной* неблагодарности и т. д. „Кто изъ людей знаетъ, что дѣлается въ человѣкѣ, кромѣ духа человѣческаго, живущаго въ немъ?“ И жизнь опять-таки показываетъ, какъ ошибочны оказываются наши надежды, что наши символы-слова зажгутъ тѣ же переживанія въ слушатель, что и въ насъ. Сошлюсь опять на художниковъ слова; и они жалуются на непониманіе читателей:

„О, если бъ безъ слова
Сказаться душой было можно!“

Еще большимъ символизмомъ неизбежно характеризуется языкъ религиозныхъ переживаній. Область Божественнаго, Абсолютнаго бытія непосредственно намъ не дана. Возможно мистическое проникновеніе въ эту область, озареніе Откровенія, но это озареніе непередаваемо: Макарій Египетскій называетъ молитвенный взлетъ души неопишымымъ: „мысли насыщены и плѣнены Божественнымъ, небеснымъ, безпредѣльнымъ, непостижимымъ и чѣмъ то чуднымъ, чего человѣческимъ устами изречь невозможно“ (Бесѣда 8-я). И ап. Павелъ въ состояніи экстаза „слышалъ неизреченныя слова, которыхъ человѣку невозможно пересказать“ (2 Кор. 12, 4; ср. 1 Кор. 2,9). Откровеніе въ непосредственной своей формѣ непередаваемо. При передачѣ словами оно теряетъ, прежде всего, свою конкретность, такъ какъ словесная формула неизбежно является плодомъ дискурсивной, абстрагирующей мысли; при словѣ представленіе неизбежно превращается въ понятіе. Но этого мало. Истины о Богѣ, вообще истины объективнаго духовнаго значенія передаются рѣчью чрезъ слова, заимствованныя изъ области нашей, человѣческой психологіи. Откровеніе пости-

гается чрезъ рѣчь только путемъ аналогіи съ нашими собственными (напоминаю—значительно индивидуализированными) переживаниями. Символизмъ слова становится двухстепеннымъ.

Но нѣтъ у человѣка другого способа передать людямъ то, чѣмъ полна душа. И когда Иисусъ Христосъ жилъ съ людьми, Онъ училъ ихъ словомъ. И онъ испыталъ безсиліе слова: Его не понимали ближайшіе ученики, и долженъ былъ озарить ихъ Духъ Св., чтобы они поняли, пережили смыслъ Христовыхъ словъ. Въ послѣднія минуты общенія съ учениками Спаситель чувствовалъ это разстояніе, не сглаживаемое словами: „Еще многое имѣю сказать вамъ, но вы теперь не можете вмѣстить. Когда же придетъ Духъ истины, то Онъ наставитъ васъ на всякую истину“ (Іоан. 16, 12—13) и—замѣчательно!— „напомнитъ вамъ все, что я говорилъ вамъ“ (14, 26). Но откровеніе Духа—личное, отдѣльное. Нужна была и общечеловѣческая объективная форма откровенія, объединяющая, спаивающая человѣчество. Приходилось ограничиваться словомъ. Конечно, въ словахъ Спасителя—возможное совершенство слова, наибольшее напряженіе аналогіи,

символического смысла. Въ языкѣ и понятіяхъ челоуѣческихъ нѣтъ болѣе сроднаго, близкаго отношенія между Первымъ и Вторымъ Лицами Троицы понятія, чѣмъ отношенія сына и отца. Но смыслъ этихъ словъ, разумѣтся, не буквальный. Разумѣтся, Божественная Личность не равна челоуѣческой личности, но лучшаго, ближайшаго подобія во всемъ челоуѣческомъ лексиконѣ нѣтъ. Есть нѣкоторое, далекое сходство: „видимъ чрезъ зеркало (отраженіе), гадательно“, а говоримъ еще болѣе загадочными символами. Но въ символѣ, все же, выражается нѣкоторое сходство, общность. И христіанское ученіе объ образѣ и подобіи Божіемъ въ челоуѣкѣ, о происхожденіи челоуѣческаго духа усиливаетъ эту общность. У Христа богоподобіе челоуѣческой природы было выражено въ полной мѣрѣ; оттого его рѣчи о Богѣ—совершеннѣйшія въ челоуѣческомъ словарѣ.

Но совершенныя въ устахъ Христа слова слушались несовершенными людьми. И пониманіе оказывалось непониманіемъ. Духъ Св. непосредственнымъ откровеніемъ „научилъ всему“ апостоловъ. Но ихъ личность, индивидуальность отразилась въ томъ, что они вы-

двинули, какъ центръ своихъ религіозныхъ переживаній. Полнота истины не была выражена ни однимъ изъ нихъ. Одинъ—апостоль дѣлъ, другой—апостоль вѣры, третій—любви. Въ Евангеліи Матѳея Христось—общанный пророками потомокъ Давида; у Луки—Спаситель не одного Израиля, а всѣхъ народовъ; у Іоанна—Богъ Слово. Чрезвычайно характерно, знаменательно, что христіанское откровеніе изложено не въ одной системѣ и не Самимъ Богочелоуѣкомъ, а просто людьми, съ разными темпераментами, по разнымъ поводамъ. Личность челоуѣческая не вмѣстила бы безумія словъ Іисуса Христа. И духъ этихъ словъ—только въ синтезѣ всего Новаго Завѣта, гдѣ слова одного ограничиваютъ слова другого, восполняютъ ихъ, придаютъ нормальное освѣщеніе. Вотъ почему исключеніе посланія св. Іакова изъ канона привело къ одностороннему истолкованію христіанства въ лютеранствѣ. Но—повторяю—и въ Новомъ Завѣтѣ весь духъ, весь смыслъ, но не вся полнота Откровенія: полнота только въ Церкви, освящаемой Духомъ Святымъ, вѣчно пребывающимъ въ ней. Полнота—внѣ челоуѣка, внѣ челоуѣчества, объективно мистически присутствуетъ въ Цер-

кви. Внї чловѣка вѣ Духѣ Святомѣ (отсюда потребность священнаго преданія). Десять лѣтъ назадъ вѣ этомъ же обществѣ говорили о необходимости Новаго Откровенія. Но вѣ Церкви вѣ мистическомѣ тѣлѣ Христовомѣ — непрерывно присутствуетъ Духъ Св., и большаго, новаго здѣсь быть не можетъ. Но Церковь — съ другой стороны — собраніе вѣрующихъ, группа людей, и эта группа людей далеко не обладаетъ полнотою истины, откровенія.

Объективное откровеніе дается вѣрующему вѣ наученіи. Это наученіе исходитъ изъ Новаго Завѣта. Когда я вижу столъ, цвѣтокъ, когда ап. Павелъ на пути вѣ Дамаскъ слышалъ голосъ Христа, послѣ восхищенъ былъ вѣ рай, и я, и Павелъ непосредственно переживаемъ, ощущаемъ бїеніе жизни. Слово требуетъ пониманія, выясненія, какія же именно переживанія ассоціюються съ нимъ. У всякаго возникаютъ своеобразныя мысли; у иного возникаетъ нерѣшительность... „Какъ это понимать?“ — неизбѣжный вопросъ научаемаго, вызвавшій къ бытію учительство вѣ Церкви. Посланія св. Павла — не повтореніе, а истолкованіе ученія Христа. Такова же задача всего

церковнаго учительства: надо было слова Евангелія, Откровенія связать съ душевнымъ содержаніемъ научаемаго. Но наставникъ не можетъ предвидѣть вполнѣ, съ какими предрасположеніями, съ какими возрѣніями и вообще душевной настроенностью подходятъ и воспринимаютъ ихъ слушатели. „Всякое пониманіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и непониманіе“. Развивается своеобразное истолкованіе, одно-стороннее или крайнее пониманіе и словъ учителя, и христіанской истины. Какъ понимать, напр., рожденіе Сына отъ Отца? Св. Отцы находили подобіе вѣ образахъ отношеній солнца и лучей („свѣта отъ свѣта“), души и ея силъ — ума, воли. Эти образы кое-что поясняютъ, поэтому, какъ сравненія, сохранены доселѣ; но эти же образы привели къ ложному истолкованію Сына и Духа, какъ божественныхъ силъ, а не лицъ (динамисты-антитринитаріи).

Несомнѣнно, при возникновеніи разногласій на этой почвѣ обѣ стороны руководились благочестивымъ намѣреніемъ понять христіанское откровеніе; ихъ пониманіе зажигало ихъ душу одушевленіемъ; обѣ стороны были увѣрены вѣ своемъ православіи. Естественно, во-

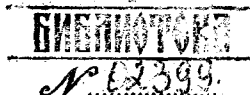

прось о пониманіи данной мысли всякій разъ возбуждалъ принципіальный вопросъ о пониманіи, гносеологическую проблему: можемъ ли мы познать Бога, какъ понимать вѣру? Исходя изъ новозавѣтныхъ указаній, православіе всегда утверждало, что Божество — не познаваемо, и наши слова, наши обычныя (не—мистическія) переживанія — только намеки, символы. Но православіе опредѣлялось позже. На первыхъ порахъ обѣ стороны считаютъ себя правыми. Полемика выясняла значеніе спора, и иногда оказывалось, что то или иное рѣшеніе спора связано съ опредѣленнымъ пониманіемъ всего дѣла Христова, т. е. всего дѣла искупленія и спасенія, всей жизни Церкви. Споръ изъ за словъ — оказывалось — имѣеть огромное жизненное значеніе. Тогда вопросъ становился общецерковнымъ достояніемъ, переходилъ изъ устъ богослововъ и теоретиковъ въ вѣрующія массы, поднималъ всю Церковь; даже пустынники покидали свои келіи, чтобы принять участіе въ спорахъ. Волновалась вселенская Церковь. Созывался соборъ. На соборѣ происходилъ судъ надъ спорящими сторонами, судъ церковнаго преданія: въ своихъ рѣчахъ спорящіе показывали

свое согласіе и единеніе съ церковнымъ сознаніемъ прежнихъ вѣковъ, съ воззрѣніями прежнихъ учителей и — съ священнымъ писаніемъ, какъ конечной основой.

Въ результатѣ защиты обѣими сторонами своего пониманія христіанской истины, въ которой — самой по себѣ — никто не сомнѣвался, выносилось соборное опредѣленіе — точная формулировка пониманія, понятія, которое не противорѣчитъ, согласно съ принципами христіанства. Вѣроопредѣленіе собора иногда вызывало протесты, все болѣе и болѣе разгаравшіеся, еще глубже освѣщавшіе дѣло, и иногда — новый соборъ перерѣшалъ дѣло. Но, если соборъ удовлетворялъ общецерковное сознаніе, если Церковь *реципировала* его, оно становилось выраженіемъ истины, непреложнымъ ея истолкованіемъ, *догматомъ* ¹⁾. Догматъ рѣшаетъ споръ о терминахъ на основѣ согласія съ исконнымъ священнымъ преданіемъ, съ духомъ Церкви,

1) Собственно рецепціей опредѣляется и „вселенскій“ характеръ собора: „разбойничій“ соборъ, повидимому, имѣлъ всѣ данныя, чтобы быть признаннымъ за „вселенскій“. Исторія показала, что эти внѣшніе признаки безъ принятія догмата общецерковнымъ сознаніемъ, не имѣютъ значенія.

1932
11.9.32

и лишь въ этомъ смыслѣ—безъ натяжки выражаетъ то, quod semper, quod ubique, quod ab omnibus creditum est. Очевидно, что осужденное мнѣніе признается явно противорѣчащимъ этому вселенскому сознанию, несогласнымъ съ христіанствомъ. Защитникамъ его остается или остаться христіанами и отказаться отъ своего толкованія, или, оставаясь при послѣднемъ, отказаться отъ вселенской Церкви. Такъ возникаетъ отдѣленіе, haeresis, ересь. До соборнаго постановленія и его рецепціи ереси нѣтъ; есть лишь различіе мнѣній и толкованій.

По содержанию догматъ — не новъ: онъ основанъ на откровеніи. Его формулировка—нова и для насъ важна. Это—точное, я бы сказала—научное опредѣленіе словъ, вызвавшихъ споръ. Всякое научное опредѣленіе — отвлеченно, безжизненно, сухо само по себѣ; формально точно, отчеканено, отдѣлано изумительно рельефно. Но, какъ всякое опредѣленіе понятія, догматъ—абстракція, безцвѣтная, безжизненная, нереальная. Это—не переживаніе, не состояніе души, а продуктъ рефлексіи, мышленія. Всякій процессъ научной мысли, теоретическаго, посредственнаго по-

знанія приводитъ къ такимъ же обобщеніямъ и абстракціямъ. Но, вѣдь, когда я говорю съ восторгомъ о воздушной свободѣ птицы, я не только мыслю понятіе о птицѣ: „пернатое позвоночное, съ двумя ногами, съ двумя крыльями и клювомъ“. Это понятіе воплощается въ живыя, конкретныя формы. *Формула догмата переживается такъ же*, въ конкретныхъ переживаніяхъ религіозной жизни. Понятіе говорить: „гдѣ есть такіе то признаки, есть птица; больше нигдѣ нѣтъ“. Догматическая формула также говоритъ: „вотъ предѣлы, въ которыхъ человѣческая мысль можетъ работать, не расходясь съ сознаниемъ Церкви“. Конечно, догматъ сообщаетъ истину, но общую, абстрактную. Слово—символь; въ символѣ есть сходство съ изображаемымъ; догматъ и подчеркиваетъ, въ какомъ направленіи надо искать сходства. „Рожденна, а не сотворенна“. Что это значитъ? Сынъ Божій—одной природы съ Отцомъ, а не иной, какъ міръ. Какъ соединились въ Богочеловѣкѣ абсолютная и ограниченная природа? „Неслитно, неизмѣнно, нераздѣльно, несліяно“. Устранены недопустимыя толкованія. Какъ же? Въ догматѣ отвѣта нѣтъ. Непостижимо?

Но при полной непостижимости не былъ бы поставленъ вопросъ, и всѣ, кто брался отвѣчать на него (а отвѣчали и св. отцы), оказались бы еретиками.

Догматъ—результатъ прикосновенія мысли къ откровенію, но не само Откровеніе. Возможно, что человѣческая мысль почему-либо не работаетъ въ данной области Откровенія: тогда и догматъ остается внѣ сознанія. Значеніе догмата можно сравнить съ значеніемъ логическихъ нормъ: они одинаково не ведутъ по правильному пути, а оберегаютъ отъ уклоновъ на ложные. И чтеніе символа вѣры при крещеніи, предъ евхаристіей имѣетъ отрицательный паѳосъ—указываетъ на согласіе съ Церковью, на отрицаніе ложныхъ истолкованій, но, конечно, не вскрываетъ и не можетъ вскрыть подлиннаго *конкретнаго* содержанія вѣры молящагося или крещаемаго. Это конкретное содержаніе создается преломленіемъ догматической формулы въ личномъ сознаніи вѣрующаго. Вѣра въ символъ—не вѣра, подвигающая горы, не та вѣра, которой поетъ гимнъ ап. Павелъ въ 11 гл. посл. къ Евреямъ. Увѣровать именно въ то, что Богъ—Творецъ міра, что Христосъ—Богъ и человѣкъ, значить

найти всему этому отраженіе въ своемъ духовномъ опытѣ—въ природныхъ и чудесныхъ переживаніяхъ своего духа. Да, и чудесныхъ У насъ утрируютъ примѣненіе чуда въ нравственной и практически-дѣловой жизни, но мало вѣрятъ въ чудеса гносеологическаго содержанія. Такое чудесное откровеніе, дыханіе Св. Духа въ нашей душѣ даетъ познаніе, равно тому и по своей жизненности и убѣдительности, какое даютъ намъ зрѣніе и слухъ о внѣшнемъ мірѣ. Но мы можемъ впадать въ самообольщеніе, принимать галлюцинацію за познаніе истины. Догматъ является критеріемъ согласія субъективнаго откровенія съ общецерковнымъ сознаніемъ: испытаніе духовъ именно должно производиться догматомъ (см. 1 Иоанн., 4 глава). Но чаще догматъ сообщается тѣмъ, кто еще не имѣетъ внутренняго озаренія. Тогда слова догмата являются только символомъ и требуютъ истолкованія чрезъ природныя, натуральныя переживанія духа. И здѣсь символъ принимаетъ чрезвычайно многообразныя истолкованія: въ каждой душѣ по своему звучать струны религиозной жизни. „Богъ сотворилъ міръ“. Далеки, очень далеки представленія объ этомъ догматѣ девяти-

лътняго ребенка, сельскаго батюшки, Владимира Соловьева и св. Василя Великаго. Въ одну форму они вливають каждый свое индивидуальное содержаніе. Такъ въ сознаниі индивидуализируется каждый догматъ. Обстановка, среда, и главное—внутреннее отраженіе всего этого челоувкомъ опредѣляютъ пониманіе догмата. Вотъ почему религиозное познаніе ставится въ связь съ нравственною личностью челоувка: для того, кто всею своею жизнью не приобрѣлъ ничего близкаго Божественной жизни, у кого все духовное достояніе не конгеніально, не сродно съ міромъ Абсолютнаго бытія, тому ничего не скажутъ слова Евангелія, формулы догмата: „въ злохудожную душу не внидетъ премудрость“, точно такъ же, какъ чистая дѣтская душа спокойно проходитъ мимо грязнѣйшихъ строкъ и страницъ книги. И, наоборотъ, чистота сердца—не только нравственная, но и религиозная—дѣлаетъ способнымъ къ созерцанію Бога. Такимъ образомъ, въ пониманіи Бога, ученія христіанства открывается подлинная цѣнность челоувческой личности; только глубокая религиозно-нравственная работа надъ собою даетъ религиозное вѣдѣніе. Въ этомъ смыслѣ по-

слѣднее должно быть и не можетъ не быть экспериментальнымъ, и сюда вполне примѣнима фраза Локка: nihil est in intellectu, quod non ante fuerit in sensu,—ничто не можетъ быть познано мыслью, если раньше не ощущается религиознымъ чувствомъ. Не догматъ, не понятія, не логика, а внутренній религиозный опытъ, углубленіе въ свой духъ обосновываетъ проникновеніе въ тайну Божества, сообщаетъ истину о Богѣ.

Изложенное мною пониманіе догмата наибольшую твердость получаетъ изъ того сообщенія, что только при немъ возможно говорить о дѣйствительномъ универсализмѣ христіанства, всечелоувчности церкви. Извращенное пониманіе догмата, какъ полноты вѣры, требуемой отъ каждого христіанина, создаетъ цѣлый рядъ ненормальностей и безвыходныхъ затрудненій для своихъ защитниковъ. На почвѣ этого извращенія бесѣды Спасителя съ простымъ народомъ замѣнены въ школѣ схоластически обработанными системами понятій въ извѣстныхъ „Катехизисѣ“ и „Начаткахъ“ Филарета. Что можетъ говорить дѣтямъ подобная система? Чему научить ихъ игра въ понятія, не связанныя ни съ

какими переживаниями, ни съ какими представлениями? Только игрѣ въ пустые звуки— слова. Хотѣлось бы спросить ревнителей такого пониманія догмата о судьбѣ тѣхъ миллионѣвъ вѣрующихъ, которые и не слышали никогда о способѣ соединенія во Христѣ двухъ естествъ, обо всей Христологии, кромѣ одного переживанія, заключеннаго въ словѣ *Спаситель*. Какъ уравниять эти миллионы въ правовѣрїи съ тѣми, кто долгимъ изученіемъ проникъ въ глубины христіанскаго вѣдѣнія? Ни школяры, ни благочестивый простолюдинъ не понимаютъ всего символа вѣры, и не могутъ понять „Начатковъ“ и „Катехизиса“, пока не поумнѣютъ, не разовьются, пока не пробудится мысль. Но это невозможно въ данномъ возрастѣ и въ данномъ состоянїи. Создается нестерпимое положеніе: *procul esto, profani!* А въ переводѣ на евангельскій языкъ, словами фарисеевъ— „народъ невѣжда въ законѣ, проклятъ онъ“ (Іоанна, 7,49). Необходимо во имя Евангелія отбросить эту ложь, корень которой — въ непониманїи догмата. Знать символъ вѣры и вѣрить, что въ немъ— голосъ Церкви, что уклоненія отъ него въ стороны—уклоненіе отъ Церкви, долженъ ка-

ждый христіанинъ: онъ долженъ признать, что сознаніе вселенской Церкви неложно. Но вѣрить въ это—не значить вѣровать, имѣть живую, двигающую горами вѣру, спасающую вѣру. Ребенокъ вѣритъ отцу во всемъ, но многое въ этой вѣрѣ—не переживаніе, не познаніе, а только довѣріе. Если мысль не доросла до самой проблемы, то и рѣчи о живой вѣрѣ быть не можетъ: формула будетъ усвоена механически, безъ сознанія, безъ переживанія, безъ внутренняго познанія. И лучше, быть можетъ, было бы нашимъ законоучителямъ давать сухія, виѣшнія познанія—формулы съ указаніемъ, что онѣ пригодятся позже, чѣмъ напрасно мечтать о воспитательномъ элементѣ въ урокахъ по катехизису Филарета съ дѣтьми непробужденной мысли, наивно ребячьей религіозной психологии. Еще лучше—органически связывать религіозное наставленіе съ процессомъ естественнаго развитія юношеской мысли. Надо, наконецъ, понять, что полнота христіанскаго откровенія слишкомъ огромна, не по силамъ не только дѣтямъ, простолюдину, но и никому изъ людей, и сами законодатели современной догматики лишь „черезъ зеркало и *отчасти*“

могутъ усвоить его. Только отчасти: „какъ никто и никогда не вдыхалъ въ себя всего воздуха“—употребимъ сравненіе св. Григорія Богослова, — такъ никогда не можетъ быть охвачена вся безконечная глубина христіанскихъ догмъ, всесторонне усвоено благовѣстіе Христа.

Теоретики — богословы давно указали на различіе по содержанію рѣчей Спасителя къ народу и фарисеямъ, на „сокращенность“ догматики въ первыхъ трехъ Евангеліяхъ, гдѣ изложена проповѣдь Христа къ простому народу по преимуществу.

Въ зависимости отъ общаго богатства и развитія духовной жизни, слова Евангелія и догмата понимаются различно и по степени глубины, и качественно. Страшный судъ представлялся для живописца XV—XVII в.в. совсѣмъ не такъ, какъ мыслить о немъ современный богословъ. Но оба — по своему правы, ни одинъ — не еретикъ: оба въ мѣру своихъ силъ поняли слова символа „судити живымъ и мертвымъ“ и соотвѣтствующія рѣчи Спасителя. Каждый своею мыслью, своимъ духовнымъ опытомъ освѣтилъ христіанскую догму. Полный просторъ индивидуальному творче-

ству христіанской мысли, свободной богословской мысли, т. наз. теологуменамъ! Здѣсь возможны и примитивныя, почти антропоморфическія вѣрованія ребенка 5—7 лѣтъ, и „мужицкій“ Христось, и вѣра ученаго экзегета, и мудрованія философа и мистика. Догматъ лишь охраняетъ. Такъ, когда ребенокъ уразумѣетъ, почувствуетъ въ себѣ самомъ различіе духа отъ физической стороны, догматъ скажетъ ему, что Богъ есть духъ, а не тѣло. Но Богъ-Духъ для ребенка будетъ означать далеко не то, что для Влад. Соловьева. А оба будутъ православны!

Можетъ случиться и то, что извѣстная сторона догмы останется не затронутой, внѣ сознанія человѣка. Подходя къ христіанству, нельзя не пережить отношенія ко Христу, не рѣшить проблемы — „кто-же и что-же Христось для меня?“ И здѣсь — одно различіе Духа Божія и духа заблужденія: всякій духъ, исповѣдующій Иисуса Христомъ, пришедшимъ во плоти, отъ Бога; и не исповѣдующій этого — духъ, противный Христу (1 Иоан., 4,2—3). Въ остальномъ возможно оказаться одностороннимъ, какъ это случилось съ защитниками православія противъ несторіанъ, давшими не

мало оснований моноэлитамъ къ ихъ обратному заблужденію. Вообще святоотеческая мысль при безпристрастномъ изученіи (также какъ и исторія догматовъ—наука, считающаяся подчасъ еретической) даетъ яркое подтвержденіе нашего пониманія догмата. Въ официальной наукѣ догматическаго богословія все сводится къ набору цитатъ, собранныхъ въ схоластической системѣ діалектическаго расчлененія понятій, вырванныхъ изъ контекста въ видѣ высушенной общей формулы, повторенія тезиса догмата. Оригинальное, своеобразное истолкованіе затушевывается, прячется, и этимъ уничтожается близость догмата къ человѣческому духу. Знакомство съ этими индивидуальными истолкованіями догмата было бы полезно даже въ цѣляхъ апологетическихъ ¹⁾. Для своего времени св. отцы были только богословами-мыслителями. Исторія показала ихъ удѣльный вѣсъ, и, несомнѣнно, ихъ нельзя теперь ставить наравнѣ съ современнымъ намъ богословомъ: Церковь приняла отцовъ, какъ

¹⁾ Довольно ярко эта индивидуальность пониманія отъбѣнена въ книгѣ проф.-прот. П. Я. Свѣтлова „Крестъ Христовъ“ касательно догмата искупленія.

вѣрныхъ выразителей своего ученія, опиралась на нихъ въ своихъ вѣроопредѣленіяхъ. Но для будущаго и среди нашихъ современниковъ могутъ оказаться святые отцы. Наравнѣ съ отцами и имъ принадлежитъ право свободной мысли.

Я не знаю, къ чему традиціонное у насъ пониманіе догматовъ сводитъ христіанскую мысль. Увѣровалъ въ символъ вѣры, изучилъ догматику. Что же дальше? Нагромождать тексты изъ св. отцовъ? Но я увѣровалъ—къ чему же это занятіе? И какъ примирить эту ограниченность съ принципомъ безконечнаго развитія христіанина? „Простираться—въ предняя“, жадно стремиться въ безконечную даль необходимо и въ области мысли: ап. Павелъ постоянно высказываетъ пожеланіе своимъ адресатамъ „все болѣе и болѣе изобиловать познаніемъ“ (Филип., 1,9 и др.). Въ символизмѣ догмата—словесной формулы скрывается возможность такого развитія. Символь—не аллегорія. Въ аллегоріи, напр., въ баснѣ, сказано все, она понятна до конца, указываетъ на *всѣ* черты сходства. Символь—слово означаетъ живое, развивающееся содержаніе, идущее въ глубину. Символь понятенъ своимъ нача-

ломъ, за котрымъ—безконечность. Приникните, всматривайтесь—и передъ Вами будетъ открываться все новое и новое, невѣдомое. Не ложь, правда первое, начальное пониманіе; но есть глубочайшая правда, есть большія откровенія. „Символъ неисчерпаемъ и безпредѣленъ въ своемъ значеніи. Онъ многоликъ, многосмысленъ и всегда темень въ послѣдней глубинѣ“ (Вяч. Ивановъ). Таково всякое слово. Правду знаетъ о звѣздномъ небѣ крестьянинъ. Правду знаемъ о немъ и мы. Но есть еще болѣе глубокая правда, которой ищетъ астрономъ, и которая, всегда расширяясь, остается вѣчно неуловимой до своего конца: углубляется познаніе—углубляется загадка. Такъ же ширится и углубляется и религиозное познаніе. По мѣрѣ того, какъ раскрывается духъ и его жизнь, открывается возможность все большаго и большаго проникновенія въ Откровеніе. И каждая личность со своимъ особеннымъ, только ей принадлежащимъ складомъ можетъ открыть новое содержаніе въ вѣчно старыхъ и вѣчно юныхъ словахъ. Повторяю—въ символѣ есть нѣчто сродное символизированому; въ этомъ развитіи нельзя придти къ отрицанію начальнаго, какъ лжи,

заблужденія; для соответствующей ступени развитія каждый шагъ—правда. Въ этомъ отношеніи христіанинъ не можетъ не быть релятивистомъ, но именно и только въ этомъ смыслѣ. Такъ, религиозная мысль получаетъ свое дѣло и становится свободной. Конечно, въ этой свободѣ она можетъ дойти до проблемъ, которыя прошли внѣ вниманія предшествующихъ вѣковъ, которыя создаются новыми условіями жизни, новыми откровеніями человѣческой мысли касательно собственнаго „я“. Такъ, въ послѣдніе дни возникъ рядъ вопросовъ, создавшихъ рознь въ русскомъ христіанскомъ сознаніи. Общественный вопросъ объ отношеніи православія-христіанства къ самодержавію, аскетическій—о значеніи имени Іисуса, теоретико-богословскій—о смыслѣ искушеній Господа при Его безгрѣшности, въ личномъ сознаніи—проблема духа и плоти. Формулы, регламентирующей подлинно христіанское ученіе обо всемъ этомъ, нѣтъ. Обѣ стороны считаютъ себя православными. Такъ создается богословское мнѣніе. Надо оставить полемическій задоръ и нельзя анаеоматствовать другъ друга. Надо спорить, но не ссориться. Если эти вопросы имѣютъ

религиозно-жизненный смысл, если они важны для спасения, то они поднимут всю Церковь, затронуть общецерковное сознание, и тогда Вселенская Церковь, вся выскажет свой судъ надъ этими мнѣніями. Кто видитъ во Христѣ не пророка, а Богочеловѣка, для того и Евангеліе должно быть безконечно глубоко по своему содержанію,—какъ откровеніе Абсолютнаго, какъ истина отъ Бога, оно не можетъ быть исчерпано никакимъ вѣкомъ. Отсюда — всегда возможны въ христіанствѣ новыя проблемы, новые споры, новые догматы. И, очевидно, не въ смыслѣ запрещенія ставить и рѣшать новыя проблемы, вселенскіе соборы дѣлали постановленія о неизмѣняемости символа вѣры: позднѣйшіе соборы утверждали новые догматы и нарушали эти постановленія, такъ понимаемая. Символь вѣры неизмѣняемъ въ томъ смыслѣ, что ни одно послѣдующее вѣроопредѣленіе не можетъ итти *въ разрѣзъ, противъ* него. Вопросы, обсуждавшіеся на этихъ соборахъ, рѣшены окончательно, и измѣнять эти рѣшенія нельзя: тогда бы Церковь отступила отъ самой себя. Но догматъ устанавливается только сознаніемъ Вселенской Церкви, озаряемой Духомъ Св.

Въ бывшихъ въ этомъ же обществѣ, десять лѣтъ назадъ преніяхъ о догматѣ указывалось, что догматъ—утвержденіе факта, а потому новыхъ догматовъ быть не можетъ: система догматовъ логически выведена и завершена изъ фактовъ, уже бывшихъ и данныхъ. Но догматъ не фактъ, а мысль о фактѣ. Слово-мысль не то, что фактъ, мыслимый въ немъ. Мысль о давнемъ фактѣ можетъ зародиться только сейчасъ. Конечно, логически догматы отчасти связаны между собою. Но христіанство выше логики; оно совмѣщаетъ Три въ Одномъ, Абсолютное въ ограниченномъ, неслитно и неразлучно, неизмѣнно и нераздѣльно. Нельзя забывать, что логика — не для Божьей истины. Крупный грѣхъ богословской науки—именно въ самопревозношеніи, съ которымъ свой плодъ—схоластическую догматику — оно объявило равнымъ по содержанію Евангелію, самой откровенной истинѣ. Это величайшее кощунство человѣческія умствованія сдѣлало догматами, потребовало признанія за ними значенія Откровенія. Не вѣрьте этой лжи! „Догматовъ немного, скажемъ словами авторитетнаго богослова — проф. С. С. Глаголева, но

наши догматики изъ этихъ немногихъ догматовъ дѣлають очень много выводовъ, которые такъ же трактуются, какъ догматы. Въ этихъ догматахъ говорится объ очень многомъ и меньше всего о догматахъ. Необходимо произвести возможно тщательное разграниченіе между догматомъ и самыми правдоподобными изъ него выводами“¹⁾. И этими немногими догматами Евангеліе не можетъ быть исчерпано. Церковь обладаетъ полною вѣдѣнія, такъ какъ Церковь есть мистическая организація, одушевляемая Духомъ Святымъ. Духъ Св. присутствуетъ въ ней изначала, Онъ—сама истина, и новыхъ откровеній здѣсь быть не можетъ. Но Церковь есть и „собраніе вѣрующихъ“, и, какъ такая, она несовершенна, возрастаетъ и усовершеншается; въ этомъ смыслъ ея историческаго существованія. И именно человѣческими силами осуществляется это созиданіе Церкви²⁾. Какъ собраніе вѣрующихъ, Церковь можетъ

¹⁾ См. Протоколы собраній Совѣта Московской Д. Академіи за 1912 г. Стр. 581.

²⁾ Ефес. 4, 11—13. Прекрасно истолковано это мѣсто въ комментаріи на посланіе къ Ефесянамъ проф. Д. Богданшевскаго (стр. 540—549).

ожидать отъ Духа Св. новыхъ откровеній. Этотъ двойной отвѣтъ вытекаетъ опять-таки изъ идеи Богочеловѣчности Церкви, идеи, опредѣляющей все христіанство. Часто идея новаго откровенія вызываетъ обвиненіе въ хлыстовствѣ. Несчастье хлыстовства—не въ этомъ, а въ отрицаніи соборности, Вселенской церкви, въ индивидуализмѣ. Въ вселенскаго соборнаго сознанія возможно Богоявленіе, но не Откровеніе сверхъ Евангелія; христіанская индивидуальная мистика не можетъ быть источникомъ новаго догмата. Христіанинъ органически связанъ со всею Церковью, не только настоящею, но и прошедшею. Эта связь, органическая непрерывность жизни Церкви выражается и въ неизживаемомъ значеніи догмата: мы принимаемъ совершенную нашими предшественниками работу, чтобы продолжить ее и завѣщать дальнѣйшій ростъ послѣдующимъ поколѣніямъ.

✓ Догматъ неизмѣняемъ, и все-таки человѣческая мысль видитъ въ его предѣлахъ далекіе горизонты, бездонныя глубины. Если установленная точка зрѣнія покажется не устраняющей скованности мысли догматомъ, то я сошлюсь на другія науки: вѣрность дог-

мату стѣсняеть не болѣе логическихъ нормъ, аксіомъ математики, эмпирическаго матеріала, надъ которымъ орудуеть естественникъ. Возможно мыслить и отрицаніе догмата, но это будетъ внѣ христіанская, не богословская, *не научная* и религіозная, а свободно-философская мысль. Такъ и въ математикѣ возможно отрицаніе аксіомъ; и логическіе принципы философія ставить подѣ сомнѣніе и изслѣдование; и въ положительной наукѣ возможенъ философскій вопросъ, существуетъ ли реально объективный видимый міръ. Философская мысль въ жаждѣ свободы пытается быть свободной и отъ подчиненія логикѣ. Но тогда и все христіанство перестаетъ быть нормой, и самая проблема объ отношеніи догмата и мысли теряетъ значеніе.

